

Еврейские пищевые предписания и запреты глазами польских полемистов XVI-XVIII вв.

В. Мочалова | 01.01.2019

Особое значение, придаваемое еде, вкушению (земных плодов) в целом обусловлено мифологическими представлениями о взаимодействии человека и окружающего мира. Наиболее очевидно это проявляется, например, в библейском эпизоде грехопадения Адама, связанном с нарушением первого данного Богом человеку запрета, носившего видимый пищевой характер. В польских христианских антииудейских текстах можно встретить характерные упреки иудеям в манипулировании цитатами из Св. Писания, в отождествлении исторических событий с заповедями, а также указание на несостоятельность тех предписаний, которыми они руководствуются. Ведь в Моисеевом изложении сотворения мира описывается его порядок, но поначалу отсутствуют какие-либо предписания и запреты, за единственным исключением – Адаму запрещается есть яблоки с древа познания (Czechowic 1581:143).

Еврейские пищевые предписания (Лев. 11:3, 9, 21-22; Кицур Шулхан Арух 1864: 34-36) и запреты (Исх. 23:19; Лев. 11:4-8, 10-20, 23-35; Кицур Шулхан Арух 1864: 38-41; ср. также: Cohen 1949) подчинены общему принципу отделения иудеев от других народов и являются его материальным отражением («Я – Бог, Всесильный ваш, который выделил вас из всех народов. Отличайте же и вы скот чистый от нечистого и птицу нечистую от чистой, не оскверняйте душ ваших скотом и птицей, и всем, что ползает по земле, которых я выделил вам как нечистое. Будьте же мне святы, ибо свят я, Бог, и выделил я вас из народов, чтобы быть вам моими». – Лев. 20:24-26).

Эта функция выделения еврейского народа из других – даже посредством потребляемой еды – осознавалась и польскими авторами антииудейских трактатов XVI-XVIII вв. Например, они могли отмечать, что «еврей не отрежет хлеба ножом христианского человека, и из сосуда, из которого христианин пьет, он пить не будет, пока его три или четыре раза не вымоет» (Mіczyński 1618: 20). В этой же перспективе могло излагаться толкование тех или иных пищевых предпочтений: иудеи едят рыбу, поскольку уподобляют ее воде, в свою очередь, символизирующей Священное Писание, вкушать которое они стремятся, «и подобно тому, как рыба отличается от мяса, так и Евреи – от всех Народов, ибо их возлюбил Бог» (Pikulski 1760: 794-795).

С обеих сторон – и христианской, и иудейской – раздавались предостережения против контактов, связанных с совместным принятием пищи иудеями и христианами, что считалось не только нежелательным, но и опасным. О том, что такого рода контакты имели место, свидетельствуют и государственные постановления, запрещающие подобную практику (Volumina Legum 1889: 624), и сохранившиеся раввинские респонсы. Так, р. Шломо Лурия (1510-1573) в своих респонсах (1574-1575) осуждает посещение евреями нееврейских трактиров (Luria 1859: 72, цит. по: Lew 1944: 126), р. Моше Иссерлес (1525-1572) упоминает, что некоторые евреи едят и пьют в домах христиан (см.: Fram: 30-31). У авторов антииудейских текстов с совместным принятием пищи может быть связано представление о вероломстве, обмане – так, например, интерпретируется пасхальный обычай угощения: в Пасху евреи «должны давать христианам напитки, сладости и пр., говоря: как я тебя, язычник, обману в день сегодняшний, так помоги мне, Боже, обманывать тебя весь год» (Бредни Талмуда 1758: 381).

В текстах представителей как католической церкви (см., в частности: Венгжинек 2003: 7), так и реформации (Lubieniecki 1616: 52) звучит обеспокоенность возможным иудейским влиянием, выражающимся, в частности, и в том, что некоторые из христиан не едят тех блюд, которые запрещены евреям.

Евреи могли заимствовать какие-то кулинарные образцы у тех народов, среди которых они жили, однако, лишь в объеме, ограниченном пищевыми запретами (*кашрут*), традициями употребления особенных блюд во время праздников, субботы, предписаниями, оговаривающими особые законы приготовления пищи (так, допустимо употреблять мясо лишь заколотого в соответствии с правилами животного, что может осуществлять лишь специально подготовленный профессионал – *шойхет* – по особой технологии (см., например: Goodman 2002: 4-6), восходящими к соответствующим библейским и талмудическим законам.

Чистота и святость – основная цель иудейских пищевых предписаний, отраженных и в регламентирующих повседневную практику законодательных кодексах, наставляющих, что все самое главное в Торе сказано в стихе «На всех путях твоих познавай Его», из чего следует, что можно служить Всевышнему и во время еды, исполняя предписания Торы: «Нельзя есть и пить то, что нам запретила Тора», а «разрешенное Торой можно есть и пить, <...> думая о том, что тем самым получаешь силы, необходимые для служения Всевышнему» (Кицур Шулхан Арух: 31). Эти предписания и запреты, как известно, служили объединяющим началом для рассеянного в диаспоре еврейства, становились повседневной и практической поддержкой национальной идентификации и связи с историческими предками, одним из эффективных препятствий ассимиляции.

Представления христианских полемистов о еврейской еде и связанных с нею законах обусловлены единой идеологической доминантой, восходящей к противопоставлению Завета, в христианской традиции именуемого Ветхим, – Новому Завету, основанному, согласно их убеждениям, на вечном естественном божественном Законе. Одним из существенных моментов этого противопоставления является размежевание «внешнего», которому как бы адресован, на которого ориентирован Ветхий Завет, и «внутреннего» человека (отсюда – постоянный в текстах этого круга мотив: «как неразумные телесные евреи полагают...»). Даже то, что объединяет два завета – учение о служении Богу, страхе перед ним, любви, благочестии, справедливости, добродетели – в христианском понимании осуществляется разными способами: в Моисеевом Законе это учение записано на каменных таблицах, у Христа выражено в смиренной любви и обращено к духу, «внутреннему человеку» (Czechowic 1575:5). В христианской перспективе Ветхий Завет отнесен к прошлому и потому является «временным», в то время как Новый Завет осмысливается как сменивший и тем самым отменивший его, как «вечный». «Сам Господь Бог, – пишет крупнейший католический проповедник своего времени Петр Скарга, – старые законы изменил на новый закон. Ибо они до времени были полезны, а когда пришло новое время Мессии, они должны были отмениться» (Skarga 1597). В этом с ним солидарен и арианец Чеховиц, утверждавший, что еврейские предписания отжили свое, что «обрезание и другие внешние законодательные установления были предметом телесным, и потому не могли быть вечными, но должны были прекратиться» (Czechowic 1575). Со ссылкой на стих «Господь разрешает узников» (Пс. 146:7), арианский полемист утверждает, что в новые, мессианские времена будет разрешено то, что было запрещено прежде: «Всякое животное, которое считалось нечистым в те времена (то есть времена Закона), святой и благословенный Бог сделает чистым в будущие времена (то есть во времена Мессии)» (Czechowic 1581:150).

Принятые новые принципы интерпретации Священного Писания резко отделили его христианское понимание от иудейского: те запреты и предписания Моисеева Закона, которые иудеями воспринимались буквально, имели для них специфическое значение, обрели для христиан так называемый «духовный» смысл. «У нас нет разногласий относительно свидетельств, данных в Св. Писании, – утверждает арианский полемист, – расхождения

касаются только понимания и применения» (Czechowic 1581: 143). Л. Бек вообще описал суть отношения иудаизма и христианства как противостояние классической и романтической (понимаемой им в шлегелевском духе: сентиментальный материал в фантастической форме) религии (Ваеск 2002). На протяжении всей христианской истории как католики, так и протестанты рассматривали содержащиеся в Пятикнижии предписания относительно еды, обрезания, *шаббата* и иных ритуальных актов скорее как метафорические и аллегорические, и потому не обязательные для исполнения христианами (Newman 2002: 11).

Уже само по себе это противопоставление двух законов не обходится без метафор, связанных с вкушением, поглощением, помещением некоей субстанции извне – внутрь человека. Семантика этой метафоры в зависимости от того, о каком законе идет речь, оказывается либо непосредственно материальной, либо символической: «Этот натуральный (природный, естественный, извечный) Закон одновременно с созданием первого человека Адама был влит самим Богом внутрь него без всякого внешнего (высшего) писания, Моисеев же Закон был выражен спустя две тысячи лет письменно и на каменных таблицах»; «Христос учил любви к ближнему не ради взыскания каких-то земных даров, как это делал Моисей, завлекая Израиль молоком и медом, а ради вечной жизни и царства небесного» (Czechowic 1575).

Связанные с едой нормы и принципы иудеев и христиан могут становиться основой для демонстрации различий двух традиций: «Закон полагает грешным того, кто <...> стал бы есть животное, птицу или рыбу, которые, согласно Закону, именуются нечистыми. Евангелие же здесь никакого греха не устанавливает <...> Если по Закону <Моисееву> какие-то грехи карались смертью, другие смывались жертвоприношениями, омовениями, а иные, как, например, пьянство, не карались вообще, то согласно Евангелию, пьянство карается не смертью, а утратой вечной жизни» (Czechowic 1575).

Различия предстают особенно наглядно в генетически родственных иудейских и христианских обрядах, связанных с употреблением хлеба и вина. Если в обряде встречи субботы у иудеев произносится благословение хлеба и вина (во время празднования Пасхи – мацы) как благодарственная молитва Господу, извлекающему хлеб из земли и сотворяющему плод виноградной лозы, то у христиан таинство евхаристии обозначает причащение тела и крови Христа.

Это различие лежит в основе выдвигавшихся против евреев обвинений в осквернении гостии (см., например: Miczyński 1618: 8-9), связанных с темой вкушения, поглощения, пищи. Они получили особое распространение в период борьбы католической церкви с распространением протестантского движения, отвергающего ряд католических догматов, среди прочего – и толкование таинства евхаристии. Так, например, сообщая об одном из процессов по такому обвинению евреев, проходившем под наблюдением папского нунция Алоизия Липпомано в Сохачеве (см. подробнее: Węgrzynek 1995: 34-46), хронист Мартин Бельский говорит не о гостии, облатке, но о самом «теле Господнем»: христианка Дорота Лазенцкая, «взяв в уста тело Господне», не вкусила его, а украла и за деньги передала евреям (Bielski 1551). Полемист Себ. Мичинский среди перечисляемых им еврейских преступлений против христианства и христиан называет и оскорбление святых даров, отождествляемых католиками с телом и кровью Христа: «Наисвятейший Сакрамент Тела и Крови Господней они называют *лехемтоме*, что означает нечистый хлеб» (Miczyński 1618: 7).

Среди обычных обвинений этого круга – мучения евреями украденной гостии, из которой каплет кровь, с чем и полемизировали протестанты, утверждая, что «божественное тело после воскрешения не может быть осквернено», что если кровь каплет из одной облатки, то это должно было бы происходить и во всех других случаях, например, ее преломления, столь часто в католическом обряде (O sochaczowskim 1556: 25-26).

Со всей очевидностью с «пищевой» темой связан и другой вид выдвигавшихся против иудеев

обвинений – в ритуальном использовании христианской крови (см., в частности: Moiecki 1589; Miczyński 1618: 13-20; Węgrzynek 1995: 91-144; Wijaczka 2003). Считалось, что иудеи употребляют кровь невинного христианского младенца либо в «пресном хлебе» (*маце*), либо в вине. Источником доказательств ненасытной иудейской потребности в этой крови служат сочинения других авторов подобного направления – так, например, Себ. Мичинский ссылается (Miczyński 1618: 16) на тексты ксендза П. Моецкого (Moiecki 1589), подробно перечисляющего виды использования евреями христианской крови, и стихотворца А. Кмиты, описавшего бохенский процесс по осквернению гостии (Kmita 1601). Один из приведенных автором выдержавшей несколько изданий в Кракове и Львове брошюры «Еврейская жестокость» (Moiecki 1589) видов использования евреями христианской крови связан с пищевой сферой. Поскольку в еврейской торговле заметное место занимали «перец, шафран, сахар, гвоздика и всякие коренья, вина» (Miczyński 1618: 31), торговцы этим товаром использовали свои возможности для достижения благорасположения и любви со стороны христиан, даря им окропленный христианской кровью перец и шафран. Тем самым они делали христиан соучастниками своих кровавых преступлений. Будучи духовным лицом, автор вынужден признать, что доброму христианину не подобает верить в такие предрассудки, однако, он свидетельствует о фактах, которые ему приходится наблюдать: «Я вижу, что те, кто сблизятся с евреями и отведают их перца и шафрана, становятся такими их большими друзьями, что водой не разольешь».

Очевидно подобными обвинениями в использовании евреями христианской крови порождены и христианские представления о симметричной каре – крови, в определенное время года «неведомым образом» капающей с неба в еврейскую еду, «как будто для наказания еврейской неверности по указанию Божьему», «для покарания их злобы и неверия». Кровь эта причиняет вред только евреям: едва дотронувшись до окропленной ею пищи губами, они падают замертво, в то время, как ни одному Христианину она не наносит вреда». Примечательно, что эти сведения приводятся как бы со слов неких «еврейских мудрецов», что, видимо, должно повысить их авторитетность (Бредни Талмуда 1758: 378, 390, 383; Pikulski 1760: 741, 745). Существенным здесь представляется проводимое на примерах из пищевой сферы принципиальное разделение иудейского и христианского миров, изображение еврейской еды как оскверненной – по всей видимости, в результате ранее совершенных иудеями кровавых преступлений.

Ряд описаний еврейских диетических принципов в христианских сочинениях основан на непосредственном наблюдении за соответствующей практикой живущих в польско-литовском государстве иудеев, и не носят, по крайней мере, выраженного негативного или обвинительного характера. Так, в христианских описаниях проявляется определенная осведомленность в еврейской обрядовой сфере: отмечаются сходные черты у иудеев и турок: «и те и другие избегают свинины и делают обрезание» (Miczyński 1618: 24); упоминается, что в праздник Пурим евреям предписано выпить допьяна, до неразличения благословений Мордехаю и проклятий Аману, что могло быть результатом непосредственного наблюдения, хотя автор приводит и ссылку на талмудический трактат Мегила (Бредни Талмуда 1758: 379-380, 407), в котором действительно содержится соответствующее указание (7b).

Христианские полемисты обнаруживают знакомство не только с еврейскими обрядами, но и с их соответствующими интерпретациями, что может объясняться знакомством с еврейскими источниками, известными по изложениям выкрестов, одним из которых в Польше XVIII в. был Ян Серафимович (см.: Pikulski 1760: 700-705; Tugendhold 1912). Так, сообщаемое христианскими авторами об обычаях праздника Шавуот (Pikulski 1760: 795; Бредни Талмуда 1758: 384), когда принято вспоминать моавитянку Руфь, не имевшую по прибытию в Вифлеем еды и собиравшую колосья, принявшую иудаизм и ставшую родоначальницей поколения, из которого, согласно пророчеству, родится мессия, имеет подтверждения в библейских (Лев. 23: 16-22; Руфь 2:3; 4:17-22) и талмудических (Брахот 7b) источниках.

Авторы антииудейских текстов проявляют (пусть и не вполне верную) осведомленность относительно пищевых запретов и их снятия, указывая, например, что в праздник Шавуот, в отличие от других дней года, евреям разрешается есть молочное и мясное вместе (Бредни Талмуда 1758: 384), однако, они могут по-своему интерпретировать это правило, давая ложную ссылку на Талмуд: «Если двое спорят, третий их мирит, гасит их пыл; вот Господь Бог, когда давал свои Заповеди Моисею, был в великом пылу, и равный огонь, хотя и иной природы, был и в Моисее». Евреи же, принимая заповеди Господа, были холодны, как и молоко, в отличие от горячей крови, «и так евреи загасили огонь, который видели в Боге и Моисее, принимая их Св. Писание и примиряя их между собой; и из этой басни они выводят позволение есть в этот день молоко с мясом» (Pikulski 1760: 793-794). На самом деле традиция есть в Шавуот молочные блюда (например, блинчики с творогом) и мед, восходящая к стиху Песни Песней «мед и молоко под языком твоим» (Песнь 4:11), должна быть непременно дополнена другой (общей для всех праздников) традицией — потребления мяса, что действительно составляет для носителей еврейской традиции некоторую проблему, поскольку еврейские пищевые законы строго запрещают совмещение мясного и молочного. Не исключено, что авторы цитируемых трактатов могли наблюдать или слышать, каким образом эта проблема решалась в домах их еврейских соседей, и это нашло свое отражение в сочиненных или составленных ими текстах.

Христианские полемисты не только наблюдают и описывают, но и критически оценивают те или иные еврейские пищевые предписания. Так, указывая, что в связанный с дарованием Торы праздник Шавуот евреи «непременно должны есть рыбу», христианский автор критикует известное ему еврейское объяснение этого правила: «Рыба – это не что иное, как вода, Священное Писание – это тоже воды бездонные, и потому мы должны есть рыбу, чтобы вместе с нею мы вкусили Священного Писания, о глупые помыслы!» (Бредни Талмуда 1758: 384). Действительно, еврейской традиции известно приписываемое рабби Акиве уподобление народа Израиля плавающей в море Торы рыбе. Мудрецы Талмуда, основываясь на библейских стихах «Жаждающие! идите все к водам. <...> Как дождь и снег нисходит с неба, <...> напоет землю и делает ее способной рождать и произращать, <...> так и слово Мое, которое выходит из уст Моих» (Ис. 55-1:11), сравнивают жизнь без Торы с существованием в безводной пустыне, а саму Тору – с живительной влагой; воду, поддерживающую жизнь в человеческом теле, – с Торой, насыщающей 613 (по числу данных Израилю заповедей) “органов” души (Бава Кама 51).

Следует отметить, что и иудеи, осведомленные в пищевых предписаниях своих христианских соседей, могли, в свою очередь, упрекать их в придумывании связанных с едой запретов, не имеющих основы в Писании: «Где в вашем Новом Завете сказано: постись в пятницу? Не ешь мяса в среду? Перед Рождеством постись 6 с половиной недель?» (Czechowicz 1575).

Христианские тексты антииудейской направленности, как можно судить и по приведенным выше примерам, пестрят (в значительной мере вымышленными) ссылками на Талмуд, распространенность и авторитетность которого среди евреев не вызвала у их авторов сомнений (ср.: «Они также говорят, что БОГ создал рыб в середине недели, и как рыба плывет из одной воды в другую, так и Талмуд перемещается от одного человека к другому». – Pikulski 1760: 795). Фрагменты талмудических трактатов в их христианской рецепции представляют собой еще один источник сведений о еврейских пищевых принципах. Подобные ссылки могли заимствоваться из опубликованных польским теологом Якубом Гурским в Кракове (Index errorum 1569) фрагментов вышедшей в Венеции “Bibliotheca Sancta” (1566) книги итальянского выкреста Сикста Сиенского (1520–1569), включавшей перевод некоторых извлечений из Талмуда. Публикуя их с целью критики евреев и иудаизма, демонстрации, «каков еврейский народ, какова его вера», Я. Гурский в предисловии к изданию выражал недоумение, «что этот народ может быть у нас терпим, и даже почитаем» (Index errorum 1569, цит. по: Bartoszewicz 1914:30). Опубликованные на латыни и переведенные Гурским на польский язык фрагменты труда Сикста содержали и некоторые талмудические положения,

касающиеся потребления пищи и призванные иллюстрировать «еврейские ереси и предрассудки» («Haereses et Superstitions»), например: «Кто в субботу будет есть три раза, получит на том свете вечную жизнь» (Index errorum 1569, цит. по: Bartoszewicz 1914:35). Сопоставление приведенной цитаты с соответствующим местом талмудического трактата (Шаббат) демонстрирует как уровень понимания источника, так и приемы его использования в пропагандистских целях. В главе 117b обсуждается мишна «Спасаем столько еды, чтобы хватило на три трапезы», относящаяся к библейскому предписанию есть манну: «И сказал Моисей: ешьте его сегодня: ибо сегодня суббота Господня; сегодня не найдете его на поле» (Исх. 16:25). Троекратное употребление здесь слова «сегодня» в сочетании с едой трактуется как предписание именно трех субботних трапез, которые призваны обеспечить исполнение заповеди наслаждения в субботу (ср.: «Наслаждайся в Господе, и Он исполнит желания сердца твоего» – Пс. 37:4). И напротив, невыполнение этой заповеди трактуется как отступление от предначертанного Господом пути и влечет наказание. В главе 118b указанного трактата речь идет о том, что соблюдающий шаббат в соответствии с законом, даже если он практикует идолопоклонство, как это, согласно традиции, имело место в поколении Эноха, прощен, ибо сказано: «Блажен муж, который делает это, и сын человеческий, который крепко держится этого, который хранит субботу от осквернения и оберегает руку свою, чтобы не сделать никакого зла» (Ис. 56:2). Если бы Израиль отметил в соответствии с законом первую субботу, никто не мог бы господствовать над ним, но из-за нарушения некоторыми этой заповеди, впервые данной в связи с манной (Исх. 16:27), пришел враг Израиля Амалек (Исх. 17:8). Если бы Израиль потом отметил в соответствии с законом две субботы, он был бы сразу спасен, ибо сказано, что даже евнухам, хранящим субботу, будет дано место в доме Господа и на его святой горе (Ис. 56:4, 7). После этого рассуждения в трактате Шаббат приводятся слова р. Иоси: «Да будет моя доля с теми, которые едят три раза в Шаббат» (ср.: Кицур Шулхан Арух 1864: 415). Очевидно, что в цитируемом трактате речь идет об исполнении/нарушении божественной заповеди, связанной с центральными понятиями и ценностями иудаизма. Поверхностная, упрощенная трактовка этой заповеди в цитированном христианском тексте приводит к прямому искажению ее глубокого смысла.

Сходный пример искажающей интерпретации еврейского обычая, связанного с приемом пищи, также представлен в публикации Гурского: «Евреи ничего не должны есть четным числом, но только нечетным, ибо Бог любит нечетные числа» (Index errorum 1569, цит. по: Bartoszewicz 1914:35). Действительно, существует отразившаяся в Талмуде традиция, возводимая к Моисею, согласно которой четные числа содержат в себе опасность, потенциальное несчастье. В связи с этой традицией не следует произносить благословения над второй по счету чашей, ибо сказано: «Приготовься к сретению Бога твоего, Израиль» (Амос 4:12), а пьющий четную чашу не готов к этому (Брахот 51b). В Талмуде приводятся соответствующие общие рассуждения о четности, которая в принципе может привлекать демонов. Хотя известно, что если человек очень озабочен возможным вмешательством демонов в его жизнь, то это в большей степени притягивает их к нему, чем к человеку, не слишком опасаящемуся их воздействия, тем не менее, следует проявлять осторожность. В частности, во избежание вреда, который может быть нанесен демонами (*маззиким*), лучше избегать употребления в пищу двух яиц, двух орехов, двух огурцов или чего-то иного, как и вообще четного числа потребляемых продуктов (Псахим 110b). Таким образом, речь здесь идет не о том, что «Бог любит нечетные числа», но о том, что четные потенциально могут притягивать демонов.

По-видимому, авторы антииудейских трактатов хорошо представляли себе свою читательскую аудиторию, ее настроения, интересы и вкусы, явно угождая которым, они приводят увлекательные описания мессианского пира, почерпнутые из Талмуда (Бава Батра 74 b) и аггады: о яствах из Левиафана и Бегемота, которые будут предложены праведным евреям («душам святых») на небесах (Index errorum 1569, цит. по: Bartoszewicz: 32; Бредни Талмуда 1758: 383-384, 419). Впрочем, авторы не слишком озабочены подлинностью приводимых ими ссылок на еврейские источники, очевидно стремясь лишь придать своему

тексту определенные признаки достоверности, как это происходит, например, у Пикульского, отсылающего читателя (вряд ли способного самостоятельно обнаружить несоответствие и склонного к подобным проверкам) к трактату Шаббат, 15:120 (Pikulski 1760:790), к книге Зогар, гл. 1 (Pikulski 1760:791).

Если пиршественные образы выполняли развлекательную функцию, то иного рода настроениям польской аудитории могли быть созвучны представления об изначальной враждебности евреев по отношению к христианам, также иногда выражаемые в рассматриваемых текстах в связи с еврейскими пищевыми обрядами. Так, иудейский пасхальный обряд сжигания перед праздником всех оставшихся в доме кусочков квасного (*хамец*) во избежание нарушения связанных с ним строгих запретов интерпретируется как символ уничтожения христиан: «они должны сегодня сжигать, говоря: как я этот хлеб сжигаю, так пусть все Христиане сгорят» (Бредни Талмуда 1758: 381); «Как мы сжигаем этот хлеб, так пусть горит сердце Язычников Христиан» (Pikulski 1760: 782).

Распространенные народные представления о еврее как о магической фигуре, опасном и вредоносном колдуне встречаются и в текстах отнюдь не фольклорного происхождения, принадлежащих перу таких ученых авторов, как, например, доктор свободных наук Себ. Мичинский. Его обширное антииудейское сочинение «Зерцало Короны Польской», конструирующее многосторонний образ врага, неизменно стремящегося разными хитроумными способами погубить христиан, например, повсеместно – во Франции, Италии, Англии, Чехии – отравляя колодцы (Miczyski 1618: 21), даже было запрещено королевским указом, как возбуждающее беспорядки в стране. Автор развивает и «пищевую» тему для демонстрации всяческой злокозненности евреев, их склонности к колдовству, одновременно удовлетворяя читательскую тягу к таинственному и демоническому. Таков его рассказ о подкупленной еврейками польской христианке, которую они уговорили продать им для колдовской практики, направленной на истребление христиан, женское молоко. Однако, посоветовавшись с мужем, она продала им коровье. Евреи поняли, что женщина их обманула, лишь когда, влив купленное молоко в ухо повешенного и спросив, что он слышит, получили ответ: «Мычанье скота». Результатом этого еврейского колдовства стал начавшийся в Польше мор скота, изначально предназначавшийся злоумышленниками для людей (Miczyski 1618: 21).

Осведомленный в сфере пищевых запретов у евреев, автор излагает (ссылаясь на неназванный письменный источник) еще один подобный сюжет, в центре которого – некий еврей, раздобывший для упражнений в колдовстве свиное сердце, «хотя им Закон запрещает свинину». Закопав сердце на распутье дорог, он провоцирует взаимное истребление сбежавшихся к этому месту и неожиданно разъярившихся свиней. Будучи пойман, еврей под пыткой признался, что это был всего лишь опыт, а в будущем он предполагал достать сердце человека и таким же колдовским образом вызвать «внутреннюю войну и уничтожение христиан» (Miczyski 1618: 80-81).

Со сферой вкушения, приема снадобий вовнутрь связаны и распространенные обвинения еврейских «врачей-отравителей», услугами которых продолжают, несмотря на церковные запреты, пользоваться легковверные и легкомысленные христиане. Еврейские же врачи, получившие свое образование у резников, где в течение пяти лет они учились извлекать козы жилы, затем отравляют христиан ядом под видом лекарства, или рекомендуют заведомо вредоносные рецепты, например, предписывая пить молоко при вздутии живота. Мичинский завершает XIV главу своего антииудейского трактата ироническим резюме: «Так пусть лечат коз, на которых они ремеслу своему учились, или теток своих – свиней, которым они более желают здоровья, чем нам, поскольку христиан они, где только могут, как свирепые львы жестоко губят, а свиней, особо почитая, никогда не убивают» (Miczyski 1618: 74-76).

Особый случай представляет собой тема потребления и производства пищевых продуктов и напитков в контексте конкурентной борьбы христианских и еврейских участников этой сферы экономической жизни, нашедшая свое отражение в рассматриваемых антииудейских сочинениях. Проявляя осведомленность в еврейских пищевых предписаниях, приводя в своем трактате правила, касающиеся потребления евреями продуктов, последовательный борец с «вредным» еврейским присутствием в Польше Себ. Мичиньский призывает ограничить наносимый евреями казне экономический урон (обусловленный тем, что «для своих праздников» евреи покупают муку не у городских пекарей, а непосредственно у мельников в деревнях, как и солод для спиртных напитков, от чего королевские мельницы несут ущерб). Еврейские мясники (резники), имеющие свои лавки во всех коронных городах и местечках и закупающие скот также не у местных купцов, а на расстоянии в десять миль, превосходят числом христианских мясников и побеждают их в конкуренции, что совершенно нетерпимо. Резников в Кракове не должно быть более четырех, они не имеют права содержать помощников и резать больше скота, чем необходимо для удовлетворения собственных еврейских потребностей, «а чего им, согласно их путаному Талмуду, есть не подобает, то продавать лишь в двух домах» (Miczyski 1618:49-51).

Примечательно, что совершенно иначе подходила к этим вопросам светская власть. Так, например, король Стефан Баторий, устанавливая правила для пшемысльских евреев (1576), напротив, оговаривает, что евреи могут быть резниками так же свободно, как и христиане, и имеют право продавать свою продукцию другим людям, как это принято у евреев Кракова, Познани, Люблина, а король Ян Собеский дает аналогичные привилегии евреям Ленчицы – «иметь своих еврейских резников для покупки нерогатого и рогатого скота, со свободой продавать как целиком, так и четвертями, и штуками, по обычаю, присущему этому ремеслу» (Dzieje: 26, 70-71).

Мичиньский скорбит и о том, что еврейские пивовары и шинкари, в обход запрета на импорт алкоголя, предлагают огромный ассортимент горилки, привлекающий толпы потребителей, и в результате лишают заработка христианских пивоваров: «Почти все люди стали ходить в их лавки, сплошь в них сидят, берут и на вынос в меха и бутылки, а на месте пьют рюмками. На рынке, в лавках, в домах, в дверях, в подвалах найдешь только еврейскую, а не иную горилку. Не нравится сделанная христианами, потому берут у этого колдовского народа, ибо они притягивают к себе людей не иначе, чем колдовством, из-за чего вся горилка, которую произведут христиане, остается в доме или едва продается с большим убытком и разорением бедных пивоваров». С горечью пишет Мичиньский о поражении, которое потерпели христианские торговцы съестными продуктами (мясом, мукой, пивом) в жесткой конкуренции с торговцами еврейскими, успешно поставляющими на рынок все лучшее, что можно закупить вне пределов города: «Потому у еврея самые качественные мясные продукты, индюшатина, гуси, куры, телятина, щуки, карпы и т. д. Потому и овощи самые лучшие они свозят телегами, а Христиане лишь ждут крошек с еврейского стола». Это вызывает негодование автора: «Неужели лучше для Господа Бога проклятый еврей, хулитель Бога, сын погибели, главный враг Христианский, чем Христианин, верный слуга Христа, сын Божий и истинный приверженец?» (Miczyski 1618: 53, 57).

Рассмотренные типы христианских представлений о еврейских пищевых нормах и обычаях, отразившиеся в опубликованных в Польше XVI-XVIII вв. антииудейских сочинениях, были основаны на разнообразных источниках этнографического, мифологического, литературного, идеологического, политического характера. К ним могут быть отнесены и непосредственное наблюдение за повседневным обиходом и праздничным ритуалом еврейских соседей, но также и подаваемые в виде наблюдений мифические воззрения, относящиеся к сфере популярной мистики и плебейского иррационализма; и принадлежащие к еврейской традиции тексты, но также и мнимая их имитация, или их переработка в рамках христианской рецепции; и религиозная пропаганда, и экономическая конкуренция. В этих сочинениях, по своему отвечавших на определенные религиозные, социальные, культурные или

психологические запросы современников, отразилась пестрая этно-конфессиональная картина польско-литовского общества, присущие ему модели сосуществования, противостояния и диалога.

Литература

- Baeck 2002 – *Baeck L.* Judaism and Christianity / Transl. with an introd. by W. Kaufmann. Skokie, Illinois, 2002. P. 189.
- Bartoszewicz 1914 – *Bartoszewicz K.* Antysemityzm w literaturze polskiej XV-XVIII w. Warszawa, 1914.
- Bielski 1551 – Kronika wszystkiego świata ...Marcina Bielskiego. Sanok. 1856. T. 2.
- Cohen 1949 – *Cohen A.* Everyman's Talmud / Introd. by B. Cohen. N.Y., 1949. P. 246-250.
- Czechowic 1575– Rozmowy Chrystyańskie, ktore z greckiego nazwiska dialogami zowią. Kraków, 1575. В тексте цитируется современное переиздание: *Czechowic M.* Rozmowy Chrystyańskie / Opr. A. Linda, M. Maciejewska, L. Szczucki, Z. Zawadzki. Ser. Biblioteka Pisarzy Reformacji. N 12. Warszawa; Łódź, 1979
- Czechowic 1581 – Odpis Jakoba Żyda z Bełzyc na Dyalogi Marcina Czechowica: na który zaś odpowiada Jakóbowi tenże Marcin Czechowic. Kraków, 1581.
- Dzieje – *Fijałkowski P.* Dzieje Żydów w Polsce. Wybór tekstów źródłowych. XI-XVIII wiek. Warsawa, s.a.
- Fram – *Fram E.* Ideals Face Reality. Jewish Law and Life in Poland. 1550-1655. HUC, Cincinnati. 1997.
- Goodman 2002 – *Goodman H.* Jewish Cooking Around the World / Introd. By Ph. Goodman. Illinois, 2002.
- Index errorum 1569 – Index errorum. Okazanie kilka błędów z nierozlicznego bluźnierstwa, szaleństwa y niepobożności z Talmutha Żydowskiego zebranych...Wyjęte z wtórych Ksiąg Biblioteki Świętej Syxta Seńskiego. Kraków, 1569.
- Kmita 1601 – *Kmita A.* Proces sprawy Bocheńskiej z Żydami o Naświętszey Eucharistiey Sakrament od Żydów i świetokradźców kupiony y cudownie okazany. Jana Achacego Kmity. Kraków, 1601 (2-e изд. – 1606).
- Lew 1944 – *Lew M.S.* The Jews of Poland: their political, economic, social and communal life in the 16th century as reflected in the works of rabbi Moses Isserles. London, 1944.
- Lubieniecki 1616 – *Lubieniecki A.* Poloneutychia abo Polskiego Królestwa szczęście a przy tym i W. Księstwa Litewskiego. Warszawa; Łódź, 1982
- Luria 1859 – *Luria S.* Sheelot u-Teshubot Maharshal. Lemberg, 1859.
- Miczyński 1618 – *Miczyński S.* Zwierciadło Korony Polskiej urazy ciężkie i utrapienia wielkie, które ponosi od Żydów, wyrażające. Kraków, 1618.
- Moiecki 1589 – Żydowskie okrucieństwa, mordy i zabobony przez X. Przeclawa Moieckiego, opoczyńskiego i wolisborskiego kan. spisane. W Krakowie...R.P. 1589 (другие издания: 1598, 1636).
- Newman 2002 – *Newman L.I.* Jewish Influence on Christian Reform Movements. Illinois, 2002.
- O sochaczowskim 1556 – O sochaczowskim wymeczonym a wypalonym na Żydzie Bogu // *Chrzanowski I.* Echo epizodu sochacewskiego // Z wieku Mikolaja Reja. Warszawa, 1905.
- Pikulski 1760 – Złość Żydowska przeciwko BOGU y bliźniemu Prawdzie y Sumnieniu Na objaśnienie Talmudystów Na dowod ich zaślepienia, y Religii dalekiej od prawa Boskiego przez Moyżesza danego <...> opisana przez X. Gaudentego Pikulskiego». Lwów, 1760.
- Skarga 1597 – *Skarga P.* Kazania Sejmowe / Opr. S. Kot, Kraków, 1939.
- Tugendhold 1912 – *Tugendhold J.* O pamflecie Serafimowicza // Kwartalnik poświęcony przeszłości Żydów w Polsce. № 2 (1912). S. 106-110.
- Volumina Legum 1889 – Volumina Legum. Warszawa, 1980. T. II (reprint).
- Węgrzynek 1995– *Węgrzynek H.* "Czarna legenda Żydów". Procesy o rzekome mordy rytualne w dawnej Polsce. Warszawa, 1995.
- Wijaczka 2003– *Wijaczka J.* Ritual Murder Accusations in Poland throughout the 16th to 18th Centuries // Ritual Murders/ Legend in European History / Ed. by S. Bettaroni and St. Musiał. Kraków; Nuremberg; Frankfurt, 2003. P. 195-210.
- Бредни Талмуда 1758 – Бредни Талмуда, узнанные у самих евреев и явленные новой сектой

сяпвсечухов, или анти-талмудистов // Праздник – обряд – ритуал в славянской и еврейской культурной традиции. Академическая серия. Вып. 15. М., 2004.

Венгжинек 2003 – *Венгжинек Х.* Боялась ли католическая церковь в Польше XVI века обращения христиан в иудаизм? // Ксенофобия. История – идеология – политика. М., 2003.

Кицур Шулхан Арух 1864 – Кицур Шулхан Арух. Краткий свод законов еврейского образа жизни / Сост. и пер. Й. Векслер / Под ред. Г. Брановера. Иерусалим, 1994. Т. I. С. 183.

Editorial remarks

Впервые опубликовано: Пир – трапеза –застолье. М., Сэфер, 2005. С. 53-73.